

СТИХОТВОРЕНИЕ СУЛЕЙМАНА «ЭТИЕМ» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

© Эльвира Нагуманова

SULEYMAN'S POEM "ЭТИЕМ" IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Elvira Nagumanova

This article studies translations of modern Tatar poetry into the Russian language and focuses on the translations of Suleyman's (Suleymanov Dzhavdet Shevketovich) poems, included into the book "The Signs of the Times" (2014). We identify characteristic features of both the original and its two translations based on the analysis of the poem "Этием" and its translations into Russian made by the author and A. Gaysina. The comparative analysis of the translated works allowed us to come to the conclusion that modern translators find interesting forms of expression in the Russian language to adequately transfer the Tatar poetics, however, many samples of the Tatar poetry are difficult to translate into the other languages. For example, the poem "Этием" is one of the most personal works of Suleyman, dedicated to his father. At the same time, it raises eternal problems of time, memory, the past and the future, man's place in the universe. Only the author himself fully understands the whole complex of complicated philosophical problems. Thus, Suleyman's translation, which seems to be very different from the original, better conveys the idea of the Tatar poem to the Russian reader, in contrast to the translation made by a young translator, A. Gaysina.

Keywords: translation, original, poetics, reader, Suleyman, A. Gaysina.

В данной статье поднимается проблема переводов современной татарской поэзии на русский язык. В центре внимания автора статьи переводы стихотворений Сулеймана (Сулейманова Джавдета Шевкетовича), включенные в сборник «Знаки времен» (2014). На примере анализа стихотворения «Этием» и его переводов на русский язык, выполненных самим автором и А. Гайсиной, выявляются характерные особенности как оригинала, так и двух переводов. Сравнительный анализ переводных произведений позволил прийти к выводу о том, что современные переводчики находят интересные формы в русском языке для адекватной передачи поэтики татарского стиха, однако многие образцы татарской лирики оказываются трудно переводимыми на другие языки. К примеру, стихотворение «Этием» является одним из самых личных произведений Сулеймана, оно посвящено отцу поэта, но в нем поднимаются вечные проблемы времени, памяти, прошлого и будущего, места человека в мироздании. Весь сложный философский комплекс проблем понятен только самому автору, поэтому перевод Сулеймана, на первый взгляд далекий от оригинала, наиболее полно передает русскому читателю идею татарского стихотворения, в отличие от перевода молодой поэтессы А. Гайсиной.

Ключевые слова: перевод, оригинал, поэтика, читатель, сравнительный анализ, Сулейман, А. Гайсина.

В современной татарской поэзии, отличающейся многообразием существования поэтических форм, творчество Сулеймана (Сулейманова Джавдета Шевкетовича) занимает особое место. Его лирика – образец интеллектуальной поэзии, в которой глубина поэтической мысли соединяется с философским взглядом на мир, сложность формы – с оригинальностью образного строя его произведений. Как отмечает чувашский литературовед Атнер П. Хузангай в предисловии к сборнику «Знаки времен», «в одном его (Сулеймана – Э.Н.) стихотворении есть сочетание таких слов: «тонкий дух и разум». Здесь <...> обозна-

чены две ипостаси Сулеймана. С одной стороны, его поэтическая натура, тонко воспринимающая мир, смену времен года, падение листа в первый снег <...>. С другой – он стремится разгадать тайну этой жизни и размышляет над вечными вопросами» [Хузангай, с. 5].

Поэзия Сулеймана становилась предметом осмысления в статьях Т. Н. Галиуллина, Н. М. Юсуповой. Т. Н. Галиуллин говорит о такой важной особенности творчества Сулеймана, как метафоричность; он отмечает, что образное мышление ведет поэта в область вечных тем и образов, особое место в его лирике занимают ка-

тегории Времени и Памяти [Галиуллин, с. 146]. Именно как интеллектуального поэта определяет Сулеймана Н. М. Юсупова [Юсупова, с. 127–134].

Цель данной статьи – рассмотреть особенности переводов стихотворений Сулеймана на русский язык. При этом мы не претендуем на широкий охват переводного творчества Сулеймана, в центре нашего внимания лишь одно стихотворение из сборника «Вақыт касәсе» – «Әтием». Два перевода этого стихотворения были представлены в сборнике «Знаки времен». Оба сборника вышли в 2014 году и были приурочены к юбилею поэта. Достоинство книги «Знаки времен» состоит в том, что впервые в ней были собраны переводы стихотворений Сулеймана, написанных на рубеже XX–XXI вв., здесь были представлены переводы Р. Бухараева, Л. Газизовой, А. Гайсиной, Р. Кожевниковой, А. Каримовой. Особое место в сборнике занимают переводы самого Сулеймана: как многие поэты-билингвы он имеет возможность говорить с читателем как на татарском, так и на русском языках. Большинство же современных переводчиков с татарского языка работают по подстрочнику, который, с одной стороны, обедняет оригинал, потому что образная система последнего не сводима к его лексике, с другой – оставляет место для развертывания воображения переводчика, поддерживаемого в основном ключевыми словами и сюжетными ходами оригинала. Подстрочник поощряет переводчика распространить «свое» на «чужое» и достичь таким образом единения с ним. И в сборнике «Знаки времен» большинство переводов было осуществлено с подстрочника.

Обратимся к стихотворению «Әтием» Сулеймана, которое было переведено на русский язык современной переводчицей А. Гайсиной, а также самим Сулейманом.

Во многих произведениях Сулейман задумывается о связи времен, о своей родословной, о такой важной категории, как память (в поэме «Әтиемә жиде рәкәгать» («Семь поклонов отцу») он пишет: «Ведь жизни – нет, // и смерти – // нет, // а есть // колебание духа, // пока память жива, // ...пока // память // жива... (Перевод автора) [Сулейман, с. 103]). Стихотворение «Әтием» было написано за год до появления поэмы «Әтиемә жиде рәкәгать», в 1995 году, и в нем уже были намечены те проблемы, которые нашли отражение в поэме.

Стихотворение «Әтием» имеет подзаголовок «Казык-шигырь», что дословно переводится как «Кол-стихотворение», что, конечно же, не имеет никакой связи с жанровыми формами татарского стиха. Вообще в творчестве Сулеймана образ ка-

зык (кол) один из самых емких, он встречается во многих произведениях поэта и, сохраняя свою исходную суть – являясь непереносимым предметом деревенского быта – доводится до вселенского масштаба. Вбитый в землю кол соединяет земную сущность с небесной, он становится для поэта своего рода Мировым Древом – мифологическим архетипом, объединяющим все сферы мироздания (В. Н. Топоров отождествлял Мировое дерево с «осью мира», «первочеловеком») [Топоров, т.1, с. 389–406]. В Коране атрибутами Мирового Древа наделен лотос крайнего предела на седьмом небе возле престола Аллаха (Сидрат аль-мунтаха) [Али-заде, с. 181]. В стихотворении Сулеймана «колом», твердыней выступает образ отца, он является духовной опорой для поэта.

Рассматривая подзаголовок татарского стихотворения, мы можем расширить ассоциативный ряд и вспомнить, что в тюркском фольклоре Тимер казык (букв.: железный кол) – это Полярная звезда, именно по ней путники ориентировались во время ночных путешествий [Безертинов]. Соответственно, образ отца – это некий ориентир для поэта, он всегда в центре его мыслей, рассуждений, как Полярная звезда, вокруг которой вращаются звезды.

Стихотворение «Әтием» наполнено размышлениями поэта о времени, о прошлом и будущем, смерть отца для поэта – это тот рубеж, который поделил его жизнь на *до* и *после* (он, подобно чайке между двумя морями, колеблется между прошлым и будущим), а само настоящее тоже под вопросом: «*Мин бармы соң ...бу дәнъя да?*» («*А есть ли я... в этом мире?*») (перевод наш – Э. Н.) [Сөләйман, с 59].

Обратимся к переводам стихотворения «Әтием» на русский язык. Несомненно, переводчики не могли оставить подзаголовок, потому что при дословном переводе он никакой информации читателям не несет, но при этом и Сулейман, и А. Гайсина называют стихотворение на русском языке «Отцу знак». У самого поэта изменение названия мотивировано двумя причинами. Во-первых, стихотворение «Әтием» является акростихом («акростих – это стихотворение, начальные буквы которого составляют имя, слово или (реже) фразу» [Квятковский]). Причем поэт использует уникальную форму стиха: татарское стихотворение графически так оформлено, что слово *Әтием* образовано за счет выделенных строк, которые образуют смысловой центр стиха. В русском языке подобная форма сохранена, за счет выделения отдельных стихотворных строк создается сочетание *отцу знак*. Во-вторых, Сулейман несколько раз в стихотворении употребляет слово *знак*, мы, соответственно, понимаем,

что для поэта оно семантически связано со словом «ориентир». Этих особенностей, к сожалению, переводчик А. Гайсина не увидела. Она «подстраивает» стих Сулеймана под русского читателя, ее стихотворение построено по канонам традиционного русского стихосложения, но при этом плотность слова, внутренняя насыщенность оригинала исчезают в переводе.

В стихотворении Сулеймана с наибольшей силой проявились черты, характерные для современной авангардистской поэтики: ударная ритмика, свободное обращение со стихотворными размерами, поэт часто оперирует предметными метафорами (к примеру, в сборнике «Вақыт касәсе» можно встретить инструментальные метафоры времени: *вақыт-игәу* (время-напильник), *вақыт-тырма* (время-грабли) и т. п. Поэтическая мысль Сулеймана отличается глубиной и оригинальностью воплощения ее в стихе, он использует в произведениях емкие символы, он немногословен, его язык лаконичен, но наполнен внутренним смыслом. В стихах Сулеймана много метафорических сравнений и эпитетов, оригинальных тропов и окказиональных слов. Например, «*тормыш – кәтүчә курае*» ('жизнь – пастуший курай'); «*тарихка чигелә каберләр – гүяки капчыкка ямаулык*» ('и могилы – заплатки земли') (перевод автора), «*күк һәм җир – тегермән ташлары*» ('небо и земля – мельничные жернова') и др. В стихотворении «Этием» мы также видим весьма интересные образы: *йоты мине фикерләрем – төпсез укын* (досл.: поглотили меня мысли – бездонная бездна); *тышсыз үзәк – биксез йозак – йөгәнсез ат – баусыз таган* (досл.: ядро без оболочки – замок без затвора – конь без уздечки – качели без веревки). Поэт уходит от привычных образов и хрестоматийных метафор при обращении к вечным темам, он стремится через неологизмы, новые образные выражения раскрыть сложные культурные коды, и это порождает удивительную фактурность поэтических образов Сулеймана.

Стихотворение «Этием» наполнено глубоким философским смыслом. Образ отца неразрывно связан с темой жизни и смерти и культурной памяти, и финальный вопрос «*Мин бармы соң... бу дөнья да?..*» (досл.: 'А есть ли я... в этом мире?..') позволяет каждому читателю задуматься о своей жизни, о своем предназначении в этом мире. Только в том случае человеческая жизнь будет иметь ценность, если она останется в памяти других и благодарные сыновья будут считать отца неоспоримым примером для себя.

В русских переводах центральная идея передана полностью. Однако стоит более подробно остановиться на способах ее воплощения. Как

уже было отмечено выше, сам поэт в русском варианте сохранил акrostих, А Гайсина этого не сделала.

Перевод Сулеймана становится примером воплощения оригинальной его поэтики на русском языке, он занимает свою нишу в современной русской литературе. Сулейман – поэт-билингв, прекрасно пишущий как на татарском, так и на русском языках, и, конечно, русскому читателю в первую очередь интересно проследить, как мыслит поэт, пишущий одновременно на двух языках. Как отмечает Г. Д. Гачев, «„двуязычник“, живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный „одноразовый“, на каком бы великом языке он не мыслил. Целостные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга» [Гачев, с. 37].

В стихотворении «Отцу знак» Сулейман выбирает такие формы, которые, с одной стороны, весьма близки к оригиналу, но с другой – имеют совершенно иное поэтическое воплощение.

К примеру:

Тышсыз үзәк – биксез йозак – йөгәнсез ат – баусыз таган...

Вак йолдызлы кара күктә буйдан-буйга
Еллар аша күнелләрне камаштыра

Сынар мизгел ялтыраган ут-аҗаган... [Сөләйман, с. 59]. – (Ядро без оболочки – замок без затвора – конь без уздечки – // качели без веревки. // Мелкие звезды на черном небе во всю длину. // Сквозь годы режет души // Один единственный момент сверкнувшая огненная зарница...) (Досл. перевод наш – Э. Н.)

Перевод автора:

Знак-без-шума-дверь-без-засова-без-уздечки-скаун...

На-черном-небе-среди-мелких-звезд-наискосок
Адепта тонкое явление

озаряет души нам сквозь сотни лун –
огонь-зарница-что-сверкнула-один лишь миг [Сулейман, с 66].

Перевод А. Гайсиной:

Качели без веревки – дух без праха –
Конь без узды – лети из клетки птаха...

Попалось небо в сети мелких звезд,

Кометой в сердце пронеслось мгновенье... [Сулейман, с 67].

Любой переводчик устанавливает относительное равновесие между переводом и оригиналом на основе своего языкового и культурного опыта, в меру своего творческого потенциала.

При этом, как отмечали исследователи, он создает не столько эквивалент оригинала, сколько его подобие, «особый вид текста, призванный представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре, обеспечивая тем самым дополнительную аудиторию исходному тексту, а также развитие межкультурной художественной коммуникации в соответствии с требованиями времени, характером литературных процессов и потребностями получателей, как владеющих, так и не владеющих исходным языком» [Казакова, с. 24].

Как видно из приведенных примеров, совершенно оригинален поэт-переводчик: он сохраняет ключевые слова татарского стиха, но при этом семантическая насыщенность стихотворения на русском языке совершенно иная. Для передачи особого состояния душевной тоски он меняет привычный для русскоязычного читателя синтаксис, совершенно оригинально графическое оформление его стихотворения. Поэт включает понятие *адент* (лицо, посвященное в тайны какого-нибудь учения), который выступает в качестве связующего звена в диаде *время – вечность*. Отец становится тем образом, который объединяет личность поэта с человечеством и вселенной.

Интересно то, что при всем изменении лексического наполнения, стихотворение «Отцу знак» несет ту же атмосферу, что и оригинал, в стихотворении на русском языке еще с большей силой раскрылась оригинальность поэтики Сулеймана.

В случае со вторым переводом все обстоит по-другому: Гайсина честно попыталась создать именно перевод стихотворения, но он настолько далек от поэтической школы Сулеймана, что не дает возможности читателям ощутить полноту оригинала. В переводе появляются весьма банальные выражения, которые вообще нельзя представить в поэтическом синтаксисе Сулеймана: «лети из клетки птаха», небо «попалось в сети», «пронеслось мгновенье»... Создается впечатление, что перевод стоит особняком, он соответствует русской поэтической школе, но в нем нет той глубины, которая в оригинале, что очевидно и тем, что молодая поэтесса и переводчица не смогла воплотить в переводе философские мысли человека, умудренного жизненным опытом (хотя стоит отметить, что в сборнике «Знаки времен» мало удачных переводов стихотворений Сулеймана).

Стихотворение Сулеймана «Этием» сложное по структуре, оно нацелено на постижение явлений, скрытых от привычного взгляда на мир, является примером особой концептуализации от-

ражаемой поэтом действительности. Поэт сознательно отходит от привычных форм в случае художественного познания вещей, создавая неповторимые образы, которые порой недоступны логическому описанию. Его собственные переводы стоят особняком, потому что они так же оригинальны и неповторимы, как и стихотворения на татарском языке. К сожалению, немногие современные переводчики могут на русском языке передать особенности поэтического слога Сулеймана, поэтому перевод стихотворения «Этием» А. Гайсиной является своего рода попыткой приобщения к поэтике Сулеймана, но не более.

Список литературы

Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.

Безертинов Р. Н. Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство». URL: <http://kursak.net/r-n-bezertinov-drevnetyurkskoe-mirovozzrenie-tengrianstvo/> (дата обращения: 25.11.2016).

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.

Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. 544 с.

Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1966. URL: <http://feb-web.ru/feb/kPS/kPS-Abc/0.htm> (дата обращения: 25.11.2016).

Сулейман. Знаки времен: Поэма и стихи. Казань: Магариф-Вақыт, 2014. 127 с.

Топоров В. Н. Мировое древо // Мифы народов мира: Энциклопедия: Т. 1. М.: Сов. энцикл. 1980. С. 389–406.

Хузангай Атнер П. Мир без теней // Сулейман. Знаки времен: Поэма и стихи. Казань: Магариф-Вақыт, 2014. С. 5–11.

Галиуллин Т. Н. Сөләйман: (шагыйрь Ж. Сөләйманның ижат портреты) // Казан утлары. 2014. № 9. С. 144–153.

Сөләйман. Вақыт касәсе: Поэма һәм шигырьләр. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2014. 111 с.

Сөләйманов Ж. Шигърияттә мин – Сөләйман // Шәһри Казан. 24 марта 2016. URL: <http://shahrikazan.com/tt/2015-02-03-12-35-12/item/14505-shig'riyatt%D3%99-min-%E2%80%93s%D3%A91%D3%99yman.html>. (дата обращения: 25.11.2016)

Юсупова Н. М. Татар шигъриятенең үсеш-үзгәреш юллары // Казан утлары. 2014. № 3. С. 127–134.

References

Ali-zade, A. (2007). *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'* [Islamic Encyclopedia]. 400 p. Moscow, Ansar. (In Russian)

Bezertinov, R. N. *Drevnetyurkskoe mirovozzrenie «Tengrianstvo»* [Ancient Turkic World "Tengrianstvo"]. URL: <http://kursak.net/r-n-bezertinov-drevnetyurkskoe>

mirovozzrenie-tengrianstvo/ (accessed: 25.11.2016). (In Russian)

Gachev, G. D. (1988). *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. 448 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Galiullin, T. N. (2014). *Söläyman: (shagvir' Ж. Söläymannyң ıçat portretı)* [Suleyman: A Literary Portrait of the Poet]. Kazan utlary, No. 9, pp. 144–153. (In Tatar)

Huzangaj, Atner P. (2014). *Mir bez tenei* [The World without Shadows]. Suleyman. *Znaki vremen: Poema i stikhi*, pp. 5–11. Kazan', Magarif-Vakyt. (In Russian)

Kazakova, T. A. (2006). *Khudozhestvennyi perevod. Teoriia i praktika* [Literary Translation. Theory and Practice]. 544 p. St. Petersburg, I In''iazizdat. (In Russian)

Kvjatkovskij, A. P. (1966). *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kPS/kPS-Abc/0.htm> (accessed: 25.11.2016). (In Russian)

Söläyman (2014). *Vakyt kasäse: Poema häm shigyr'lar* [The Bowl of Time: Poem and Verses]. 111 p. Kazan', Məgarif-Vakyt. (In Tatar)

Söläymanov, Ж. (2016). *Shig'riiattä min – Söläyman* [In Poetry I Am Suleyman]. Shəhri Kazan. 24 marta 2016. URL: <http://shahrikazan.com/tt/2015-02-03-12-35-12/item/14505-shig'riyatt%D3%99-min-%E2%80%93-s%D3%A91%D3%99yman.html>. (accessed: 25.11.2016). (In Tatar)

Suleyman (2014). *Znaki vremen: Poema i stikhi* [The Signs of the Times: Poem and Verses]. 127 p. Kazan', Magarif-Vakyt. (In Russian)

Toporov, V. N. (1980). *Mirovoe drevo* [The World Tree]. *Mify narodov mira: Entsiklopediia*. T. 1, pp. 389–406. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian)

Yusupova, N. M. (2014). *Tatar shig'riiateneң yshesh-ızgäresh iullary* [The Path of Changes in Tatar Poetry]. Kazan utlary, No 3, pp. 127–134. (In Tatar)

The article was submitted on 01.12.2016

Поступила в редакцию 01.12.2016

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,

кандидат филологических наук,

доцент,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

ehlviran@yandex.ru

Nagumanova Elvira Firdavilevna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

ehlviran@yandex.ru